

Чэн Пэнфэй сжал губы и молчал, рядом Чжу Янь тоже затихла.

Их жизнь была настолько стеснённой, что даже тысячу юаней они не могли бы собрать, не то что десять тысяч.

Чэн Пэнфэй уже собирался позвонить Ван Ицюэ, чтобы попросить в долг, как вдруг в дверь поспешно вошла женщина.

— Бабушка Сюй? Где она? Как она?

Оказалось, это невестка с нижнего этажа.

— Врачи говорят, что нужна операция... Тридцать тысяч юаней.

Услышав о такой сумме, женщина тоже озадачилась. Ребёнок рядом, не понимая, что происходит, играл со своим красным галстуком.

— Ладно, ладно, деньги можно заработать, — скрепя сердце, она решительно направилась к кассе, держа в руках небольшую сумку.

Ребёнок поспешил за ней, тихо спросив:

— Мама, а разве ты не копила деньги на мои уроки фортепиано?

— Малыш, бабушка Сюй больна. Когда она поправится, мама найдёт способ отвести тебя на уроки.

Они удалились, разговаривая, а Чэн Пэнфэй и Чжу Янь, переглянувшись, вздохнули с облегчением.

Людей с острым языком, но добрым сердцем, как бабушка Сюй, было немало.

После оплаты все трое сели в ожидании у операционной, сжимая руки в тревоге за исход.

Чжу Янь была одета лишь в шёлковый халат, её стройная фигура виднелась из-под ткани. Проходящие мимо пациенты украдкой улыбались, бросая на неё оценивающие взгляды. Чжу Янь побледнела, сжав губы и не проронив ни слова.

— Что уставился? — Чэн Пэнфэй снял свою куртку и накинул её на Чжу Янь.

Пациент, обернувшись и увидев, что это всего лишь парень, с усмешкой отвернулся.

Чэн Пэнфэй схватил свой костыль и швырнул его вперёд:

— Если ещё раз помотришь в эту сторону, я сломаю тебе вторую ногу, попробуй только.

Молодой человек с красивым лицом произносил такие слова, которые казались маловероятными. Но, учитывая, что они были в больнице, пациент не хотел раздувать скандал и, хромая, поднял костыль, поспешно удалившись.

Через некоторое время из операционной вышел врач и сообщил о результатах.

Трое снаружи наконец вздохнули с облегчением.

Чэн Пэнфэй провёл рукой по мокрым волосам:

— Сестра Янь, посмотри, сколько времени.

Чжу Янь достала из сумки мобильный телефон:

— Мм... Восемь двадцать.

— Чёрт, опоздал! — Чэн Пэнфэй бросился наружу, извинившись перед медсестрой, на которую налетел, и побежал, не оглядываясь.

Чжу Янь и невестка с нижнего этажа переглянулись, не понимая, куда он так спешит.

На улице лил сильный дождь, Чэн Пэнфэй поймал такси и направился к автобусной станции, но вскоре попал в пробку.

— Мастер, можно объехать?

Водитель, держа сигарету в зубах, посмотрел на него:

— Ты что, впервые здесь? Это односторонняя дорога, куда ты объедешь?

Чэн Пэнфэй сжал губы, отдал деньги водителю и вышел из машины.

Дождь хлестал по его телу, промочив хлопковую рубашку насквозь.

Все вокруг шли под зонтами, наслаждаясь дождём, а он отчаянно бежал.

Последний автобус уже уехал, Чэн Пэнфэй, тяжело дыша, опустился на землю. Дождевая вода уже залила плитку, грязная жижа поднялась до его лодыжек.

Он не успел.

Никак не успел.

Чэн Пэнфэй так спешил, что даже не взял с собой телефон.

Недалеко от него стояло зеркало, он замер, уставившись на своё отражение.

Одноразовая краска для волос смылась под дождём, обнажив рыжие пряди, кончики волос остались чёрными, создавая странный контраст.

Но что толку от краски для волос?

В душе Чэн Пэнфэй говорил себе: «Посмотри на себя, человек из грязи, как ни маскируйся, грязь всё равно останется».

У других семьи богатые, и будущее светлое.

Не было ли сегодняшнее происшествие каким-то предзнаменованием? — подумал Чэн Пэнфэй.

Дождь лил как из ведра, стуча по навесу.

Чэн Пэнфэй сидел в автобусной кабинке, вода стекала с его рубашки. Он поднял голову, провёл рукой по лицу, на ладони осталась липкая чёрная масса — следы дешёвой краски.

Не нужно было смотреть, чтобы понять, как он сейчас выглядит.

Автобус ушёл, куда он теперь дойдёт на своих двоих?

С телефоном в руках, что он может ей дать?

Чэн Пэнфэй смотрел на мозоли на ладонях, думая, что нужно уехать отсюда.

Он провёл рукой по волосам, понимая, что должен уехать.

Иначе как он сможет заслужить право любить её?

Такую добрую и нежную.

— Молодой господин Дун, вы ещё не уходите? А то опоздаете на ночные съёмки.

Дун Чуань сидел в кафе, не говоря ни слова, перед ним лежала тарелка с эклерами, он помнил, что тот человек любил сладкое.

Они договорились на девять, он, к своему удивлению, не опоздал, пришёл на час раньше и сидел здесь.

Думал, как объяснить.

«На самом деле я парень, но, кажется, ты мне нравишься.

Можем ли мы не расставаться?»

В его голове проносились разные варианты развития событий, но он никак не ожидал такого.

Ассистентка Цянь Жумин почесала лицо, её телефон не переставал вибрировать, продюсер настойчиво звонил.

— Молодой господин Дун?

Дун Чуань посмотрел на часы, стрелка уже указывала на одиннадцать.

— Пойдём.

— Эм... Эклеры заберём?

Дун Чуань обернулся, его черты лица уже приобрели взрослую жёсткость, он сжал губы, излучая холод.

— Нет, выбросьте.

Город С пережил наводнение, которое случается раз в десять лет, затопив весь город.

На вокзале было много людей, Чэн Пэнфэй уезжал, никому не сказав, взял билет, прошёл досмотр и не задерживался ни на минуту.

Его рыжие волосы были сбриты, лысая голова выделялась в толпе.

Он уезжал из этого маленького города, оставляя позади грязное болото.

— Парень, газету не хотите? В дороге развлечётесь.

— Сколько?

— Двадцать.

— Не надо.

— Эй, пятнадцать, десять, меньше никак.

Чэн Пэнфэй прищурился и купил газету за восемь юаней.

На первой странице заголовок: «Премьера на большом экране: “Ветер Ичэна” завершил съёмки! Молодой актёр Дун Чуань номинирован на премию “Золотая Орхидея”!»

Чэн Пэнфэй хотел продолжить читать, но услышал, что его рейс начинают регистрировать.

Он бросил газету в рюкзак и быстро направился к очереди.

На улице рядом с университетским городком росли золотые цветы, которые при каждом порыве ветра осыпались на землю, создавая ощущение нереального чуда.

— Дун Чуань снова получил звание лучшего актёра, премия “Золотая Орхидея” достаётся ему с лёгкостью.

— Дун Чуань подтвердил участие в фильме “Безумец”, режиссёр Чэнь лично курирует проект!

— Дун Чуань, возможно, уйдёт из кино после “Безумца”, перейдя на работу за кадром!

— Дун Чуань...

Чэн Пэнфэй резал замороженный йогурт ножом, мышцы на его руках напрягались, очерчивая чёткие линии.

Услышав, как Сяо Мин читает новости, он не удержался и спросил:

— Кто такой Дун Чуань?

— Мой кумир! — ответила молодая студентка. — Как ты можешь его не знать! Посмотри его фильм “Бессмертие”, я плакала несколько раз! Эй, парень, не нужно упаковывать, я съем по дороге в университет!

Чэн Пэнфэй улыбнулся, кивнул и налил замороженный йогурт в коробку, передавая ей:

— Приходите ещё.

Сяо Мин была дочерью его хозяйки, училась на режиссёра в университете Б и мечтала стать новым режиссёром, который затмит всех известных мастеров.

Квартира была небольшой, две комнаты и гостиная, Чэн Пэнфэй жил в магазине, кроме работы помогал в лавке с замороженным йогуртом. Тётя Ван освободила его от аренды, а его привлекательная внешность привлекала больше клиентов.

— Брат Пэнфэй, помоги мне, пожалуйста.

Тётя Ван нахмурилась, положив Чэн Пэнфэю еду, и начала ругать Сяо Мин:

— Твой брат Пэнфэй работает на трёх работах, когда у него будет время снимать?

Сяо Мин надула губы, тыкая палочками в рагу с картошкой и говядиной.

Чэн Пэнфэй подумал о своём расписании и сказал:

— В субботу могу.

— Могу, могу!! Брат Пэнфэй, ты лучший!

Тётя Ван тоже любила свою дочь, но ей было неудобно нагружать Чэн Пэнфэя. Она положила ему большой кусок говядины и сказала:

— Пэнфэй, извини, что Сяо Мин тебя беспокоит. В субботу я сама приготовлю, ты отдохни.

— Хорошо. Спасибо, тётя Ван.

Чэн Пэнфэю повезло, семья тёти Ван относилась к нему хорошо. Сначала он жил на их чердаке, но когда Сяо Мин подросла, он сам предложил переехать.

Тётя Ван поставила ему кровать в магазине, не брала арендную плату, только просила помогать с прилавком и готовить.

Зима в городе Б была очень холодной, ветер дул так, что глаза не открывались.

Сяо Мин сидела на стуле, напевая и возясь с аппаратурой.

<http://bllate.org/book/15547/1413504>